

многие неправды господствующего класса, в частности говорило о неправедных судах, лишении наемных людей платы, порабощении сирот и вдов («насильствующая сироте и вдовици»).³⁵ На этот последний, видимо, особенно частый сюжет и откликается рассказ с сухорукой в «Сказании» — саму ее госпожа выгнала, а ее сына, рожденного на свободе, поработила. Вот тут-то и вмешался княжий суд, «оправдавший» рабу. Думаем, что действительно так и было, но, конечно, судьи стали за холопку против ее госпожи не от хорошего житья — в Дорогобуже обстановка была, видимо, не менее накаленной, чем в Киеве, где свои холопы удавили епископа Стефана.³⁶ Автор рассказа о сухорукой по понятным причинам умалчал об этой стороне дела, а о «справедливости» княжого суда сказал во весь голос.

По существу тему о справедливости суда развивает на своем материале и сам не очень обычный сюжет чуда. Его мораль сводится к тому, что даже сами святые князья совершили ошибку, столь жестоко расправившись с рабой, не пошедшей в церковь по вине госпожи, и сочли за благо простить грешницу и исцелили ее.

Таким образом, мы приходим к заключению, что в Дорогобуже, как и в княжеской вотчине под Дорогобужем, в 60-х годах поднялось народное восстание, составляющее звено крестьянских и городских движений этих лет.

История с дорогобужской рабой освещает и другую сторону восстаний 60-х годов. Они глубоко подрывали авторитет церкви. М. Н. Тихомиров связывает с этой порой расказа патерика о прямом нападении на Печерский монастырь «разбойников», в которых исследователь законно видит восставших крестьян.³⁷ Вольнодумство дорогобужской вдовы не было частным случаем пренебрежения церковной службой, оно отражало, несомненно, какие-то более общие и угрожающие явления, — недаром на вдову ополчились даже «кроткие» святые князья. Опять-таки уже указанное «Слово о казнях божиих» перекликается и с этой деталью рассказа о сухорукой знаменитой тирадой о живучести язычества и предпочтении народом игрищу церковной службе: «Видим бо игрища утолочена... а церкви стоять (пусты); егда же бывает год молитвы, мало их обретаются в церкви».³⁸ Церковь встречала сопротивление народа и боролась с ним своими средствами. Если «Правда Ярославичей» была ответом на восстания со стороны «властей предержажих», то чудо с сухорукой, вторя «Слову о казнях божиих», присоединяло к мечу княжого суда «меч духовный», грозу кары свыше за пренебрежение к церкви. Несомненно, что и само пышное торжество с перенесением мощей Бориса и Глеба в 1072 г. было организовано с той же целью поднять авторитет церкви и напомнить о божественности княжеской власти, представленной святыми родителями.

Таким образом, конкретные подробности истории с дорогобужской рабой вполне реальны, а сам этот случай связан с восстаниями в Дорогобуже где-то в 1068—1069 гг. Думаем, что и само чудо было организовано вскоре после этих лет, — дорогобужская вдова пришла в Вышгород через три года после своего несчастья, т. е., видимо, в 1073—1074 гг., и ее исцеление продолжило цепь актов церковной пропаганды культа останков Бориса и Глеба, столь пышно водворенных в 1072 г. в новом храме.

Рассказы о сухорукой в «Чтении» и «Сказании» — это по существу р а з н ы е разработки одной и той же темы. Даже самый момент исцеления

³⁵ ПВД, т. I, Л., 1950, стр. 113.

³⁶ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 96—97.

³⁷ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 98.

³⁸ ПВД, т. I, стр. 114.